

Г. Ганболд

Мы с Гарием Владимировичем встретились впервые в его кабинете в ЛТФ в 1988 г., когда я приехал работать в ОИЯИ по направлению из Монголии. Уже тогда он был всемирно известным ученым, специалистом в области квантово-полевых систем с нелокальным взаимодействием, неполиномиальных лагранжианов, феноменологии адронов, автором научных монографий и сотни статей. Мы с ним быстро нашли общий язык, отчасти потому, что я окончил Ленинградский государственный университет с отличием, но в основном оттого, что он обладал простотой и доступностью в общении с людьми разных возрастов, профессий и должностей.

Сначала Дубна мне показалась тихим, даже немного скучноватым городком, зато жизнь в нем понравилась — много времени не уходило на дороги на работу, в детсад, в магазины, а большая научно-техническая библиотека была рядом с рабочим местом. Условия для научной деятельности в ЛТФ оказались прекрасными, и моя работа на новом месте в другой стране закипела под руководством Гария Владимировича. С тех пор моя научная «траектория» сформировалась под влиянием «сильных полей» этого замечательного советско-российского ученого-теоретика.

Через некоторое время, в 1989 г. Гарий Владимирович предложил мне заниматься методом исследования режима сильной связи и фазовой структуры в квантово-полевых системах с использованием техники функционального интегрирования. Это было новым для меня, моим первым реальным шагом в теоретическую физику. Мы долго оставались по вечерам на работе за обсуждением проделанной работы, много спорили, у меня хранятся исписанные в те дни вручную сотни больших листов формул с резолюциями Гария Владимировича. Результатом нескольких лет наших «мозговых штурмов» стал метод «гауссово-эквивалентного представления (ГЭП) функциональных интегралов», который составил основу моей кандидатской диссертации, защищенной под руководством Гария Владимировича в ЛТФ ОИЯИ в 1992 г. Позже этот метод был обобщен и применен для изучения широкого круга задач из различных областей квантовой физики (теория полярона, распространение волн в стохастических средах, связанные состояния в квантово-механических системах) и нашел отражение в нашей совместной монографии «Осцилляторное представление в квантовой

физике» (1995), написанной в соавторстве с двумя другими учениками, и был удостоен первой премии ОИЯИ.

В 1996–1998 гг. я уезжал в Университет Эрлангена-Нюрнберга работать там по немецкому гранту, но наша совместная работа с Г. В. Ефимовым продолжалась на дистанции, через интернет и электронную почту, вышла пара совместных работ, посвященных характеристикам полярона в ионных кристаллах. Там же он навещал меня, когда бывал в командировке, проездом.

После работы в Германии в 1999 г. я был командирован Комиссией по ядерной энергии Монголии обратно в ЛТФ и сразу вовлечен Гарием Владимировичем в адронную физику. Наша совместная работа была основана на его идее о том, что нелокальность кварк-глюонных взаимодействий может оказаться ключевым фактором для объяснения явления конфайнмента в квантовой хромодинамике, и являлась продолжением предыдущих исследований с его учениками, такими как М. А. Иванов, С. Н. Неделько и др. Дальнейшая наша работа с его «командой» легла в основу ряда моделей вакуума КХД и адронизации, возникли кварк-виртонная модель и ее различные обобщения — модели конфайнированных кварков и т. д., активная работа над которыми продолжается и сейчас, после его ухода из жизни.

В наших совместных исследовательских работах он, естественно, был ведущим — быстро объяснял мне суть проблемы и сразу формировал рамки задач, устанавливал жесткие сроки выполнения для каждого, а потом мы перепроверяли друг у друга результаты наших независимых параллельных вычислений, сидя в его кабинете № 336 в ЛТФ за маленьким столиком. Я обычно проверял молча — ошибки у Гария Владимировича бывают редко, а он сверял мои формулы и либо сыпал мудрыми словами, такими как «торопись медленно», «не видеть леса за деревьями» и т. д., либо давал волю эмоциям: «Да, сэр, вы оказались глубоко правы!», «Если это получится, мы с тобой орлами будем!»

Один случай приходит на память. Однажды в начале 1990-х он улетел на конференцию в Дублин (Ирландия) с докладом по нашему совместному исследованию по теории полярона, но один важный результат еще не был получен (наши фортрановские программы сутками висели на сетевых суперкомпьютерах ЛВТА ОИЯИ). Тогда мы с Гарием Владимировичем многократно переписывались по факсу директора ЛТФ, успели получить долгожданный результат, и он с успехом сделал доклад.

Часто он поручал мне вечерами найти свежие публикации по какой-то интересной проблеме, разобраться с найденными статьями в зарубежных журналах и сделать краткий обзор на следующее утро.

Тогда я на практике узнал, что такое русские «надо!» и «давай, давай!», это действительно давало мне сильную мотивацию к улучшению моего научного английского.

Работать и учиться у Гария Владимировича было легко. Он не только строго требовал быстрой и эффективной работы, он по ходу обучал молодых исследователей и вдохновлял своим оптимизмом и примером ученого. У него был свой сильный индивидуальный стиль в науке, он глубоко знал предмет изучения и фундаментально подходил к решаемым проблемам. Он обладал широтой научного кругозора, глубокой физической интуицией, сразу вспоминал схожие задачи и подобные решения. Меня всегда поражало его мастерское владение математическими методами — он наизусть знал многочисленные табличные математические формулы и их физические приложения. Только изредка он прибегал к помощи своих знаменитых толстых тетрадок в черных обложках, где были записаны нужные выкладки. Я больше доверял компьютерной аналитике и алгебре, перепроверял часто наши формулы, но ошибок и расхождений почти не бывало.

В повседневной жизни вне науки он был так же молодым, любопытным и энергичным, собранным и смелым. Он советовал мне в 1988 г. сразу купить велосипед и не терять время на дорогу, а сам до последнего ездил на спортивном велосипеде. Узнав однажды, что велосипед у меня сломался и я хожу на работу пешком, он пошел со мной в свой гараж и отдал нужные запчасти.

Он активно занимался туризмом, физкультурой и спортом, катался на лыжах в Кавказских горах, плавал на байдарке по быстрым и холодным горным рекам.

Помню еще один случай. Во время международной конференции в Монголии летом 2005 г. мы устроили вечерний поход на природу. Прибыв на уютное место под деревом у речки, мы начали заниматься приготовлением шашлыка по-монгольски и собирать сухие ветки, хворост. Я заметил, что Гарий Владимирович один ходит довольно далеко с пакетом в руке. Когда вкусная еда была уже готова и его позвали к столу, оказалось, что он собирал не хворост для костра, а чистил берег этой красивой речки от туристического мусора. Таким бережным было у него отношение к природе, родной земле.

Гарий Владимирович внес заметный вклад в развитие мировой науки, его ученики успешно работают в Дубне и научных организациях многих стран мира. Он многократно бывал в Монголии, участвовал в конференциях и читал лекции студентам-физикам. За свою многолетнюю успешную научную работу и вклад в подготовку монгольских физиков-теоретиков Гарий Владимирович был награжден почетной медалью (1984) и премией (1995) Монгольской академии наук, медалью

правительства Монголии «Дружба» (2004) и золотой медалью МАН «Хубилай хана» (2013).

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким незаурядным учителем, что я стал сначала учеником, потом сотрудником, соавтором и коллегой этого всемирно известного ученого, физика-теоретика.

Монголы говорят, что величие большой горы хорошо видится только издали. Хотя не так много времени прошло после ухода моего учителя, очень светлая память о Гarii Владимировиче Ефимове неизменно живет в моем сердце.